

И.О.Тарнопольская

Днепропетровский национальный университет

**АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ВЛАСТИ МОНАРХОВ
В XVI–XVII вв.: РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРО-
ПЕЙСКОГО СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАН-
СТВА (К ВОПРОСУ О ТОМ, ТАК ЛИ УЖ НЕВОЗМОЖ-
НО ИЗМЕРИТЬ РОССИЮ ОБЩИМ АРШИНОМ)**

Зроблений порівняльний аналіз процесів формування абсолютної монархії в Росії і аналогічних процесів у західноєвропейських країнах, що демонструє їх безсумнівну подібність не тільки у загальних рисах, але і в подробицях. Можна стверджувати, що російські соціополітичні процеси XVI–XVII ст. були складовою частиною загальноєвропейського розвитку і будь-які суттєві розходження з'являються якраз на початку епохи петровських реформ.

Существование отечественного историко-научного и литературного стереотипа, представляющего Россию допетровских реформ в значительной мере обособленной от общеевропейского социополитического пространства, а также традиция использования в англоязычной историографии термина «восточный деспотизм» («oriental despotism») в применении к российской монархии XVI–XVII вв., термина, отделяющего российскую монархию от западноевропейской и делающего ее прямой идеологической наследницей восточных деспотий, создали настоящую необходимость в компаративистских исследованиях, посвященных сопоставлению социально-политических, экономических и культурных процессов в России с аналогичными процессами в Западной Европе с целью выявления в них черт общего и особенного.

Положение России как единственного независимого государственного образования в Европе, исповедующего православие, вызвало к жизни комплекс политико-идеологических представлений, который может быть условно охарактеризован термином «бинарная позиция», разделяющим Европу (Запад) как монолит без учета внутренних различий между странами и народами и Россию как некий обособленный феномен. Создателями «бинарной позиции» стали православные ученые-теологи (как собственно российские, так и украинско-белорусские). Первоначально она была сформулирована для православной (греческой) и римско-католической церквей, а впоследствии приобрела «территориальную привяз-

ку». Герасим Смотрицкий называл восточную церковь светлой, она как «дъневи начало», западная же «яко начало ночи»¹. В трактате «Скарга нищих до Бога» это противопоставление отождествляется со светлостью России и ее предшественницы Византии и тьмой Запада как наследника Рима и всех его грехов и безбожия². Уже в XVI в. выражение «творити латинство» приобретает смысл совершения некоего злого деяния (вне зависимости от сферы, в которой оно совершается, или конфессиональной принадлежности совершающего)³. Отождествление восточнославянских территорий (со второй половины XVII в. – собственно Московского царства) с православной церковью и тем самым – со светом, обособило Россию от греховного католического и протестантского Запада, превратив ее в единственное средоточие чистоты и веры, сделав не только Третьим, но и единственным Римом, со всех сторон окруженным слугами ада (Варлаам Лаптевский «Трагикомедия»: «От Папи Лютръ, от Лютра Калвинъ уродися. Сии ныне найпаче коль на мя зеваютъ, Поглотит мя образы всеми промышляють»)⁴.

Созданная православными теологами дихотомия «Россия–Запад» оказалась одной из самых популярных и долго живущих идей в отечественной философии, литературе и исторической науке. Зародившись в средневековье, она успешно существовала в церковной литературе, затем перебралась в светскую и, уже оторвавшись от «сакральных корней», использовалась учеными XX в. Всегда стабильно присутствуя в отечественной общественно-политической и научной мысли, она пережила и несколько бурных взлетов. Одним из таких взлетов был спор западников и славянофилов, причем рассматриваемая дихотомия присутствовала в работах исследователей обоих направлений: в виде непосредственного заимствования из православной теологии, какой была, в сущности, проводимая М.П.Погодиным, И.В.Киреевским, А.С.Хомяковым антитеза истории России и западноевропейских стран, происходящая от изначальной антитезы греческой и римской культур, и в виде высокой оценки западниками деятельности Петра I, реформы которого направили Россию на общеевропейский путь исторического развития (тем самым признавалось, что до этого различия между Россией и Западом были весьма существенны)⁵.

Другим этапом активного распространения бинарного представления о Европе можно назвать период после революции 1917 г., т.к. Россия расценивалась не только как первая страна, достигшая самой совершенной общественно-экономической формации, но и единственная, шагнувшая в нее из полуфеодального общества, лишь едва «затронув» период капитализма. Активно существовала дихотомия «Россия–Запад» и в «перестроечный» и «постперестроечный» период, в виде споров следует ли

России повторять европейский путь развития или искать некий свой, особенный.

Настоящая статья ни в коей мере не претендует на полноту решения вопроса правомочности бинарного подхода. Проблему – схожими или в корне отличными были социально-политические, экономические и культурные процессы в России и Западной Европе – следует решать на уровне многоплановых сопоставлений и усилиями многих исследователей и исследовательских институтов. Делается лишь попытка провести сравнение по линии одного, хотя и весьма значимого социополитического процесса, а именно проанализировать формирование абсолютной монархии в России в сопоставлении с аналогичными процессами в западноевропейских странах в XVI–XVII вв.

Источниками служат законодательные акты и властные указы западноевропейских королевств и Московского царства XVI–XVII вв., посвященные унификации светской и духовной власти.

Процесс создания абсолютной монархии (кстати, сам термин представляет собой тавтологию, т.к. монархия в переводе с греческого означает «власть одного», т.е. она является абсолютной по определению) представляет собой централизацию всех видов власти в руках монарха при одновременном подавлении всех видов сепаратизма. В зависимости от субъективных факторов страна более или менее успешно и быстро приводится к виду, определенному формулой «одна вера, один закон, один король». Централизация власти в руках монарха идет по четырем основным направлениям: 1) ограничение вплоть до уничтожения сословных прав и привилегий, уравнивание прав всех сословий перед лицом воли монаршей; 2) создание единого государства с единым аппаратом управления и уничтожение всех видов местного (провинциального) самоуправления; 3) религиозная унификация, замена конфессиональной поливариантности государственной религией; 4) подчинение духовной власти светской, т.е. формальное или фактическое превращение главы государства в главу государственной церкви. Первые два пункта делали монарха средоточием всех форм власти (законотворческой, исполнительной, военной и т.д.), вторые два распространили его контроль не только на тела, но и на души подданных. Все четыре направления тесно переплетаются и взаимно дополняют друг друга.

Процесс абсолютизации светской власти монарха включает несколько составляющих, взаимодополняющих и часто совпадающих по времени.

Во-первых, создается постоянная армия, подчиненная только государю и позволяющая ему осуществлять свою политику. Во Франции создание армии, главнокомандующим которой был король, относится еще

ко временам Франциска I. В Дунайской монархии Габсбургов с 1556 г. имперский Военный совет распространил свою юрисдикцию на весь армейский контингент, поставляемый землями магнатов. Одновременно Фердинанд I создал постоянную армию наемников (9 000 чел.), подчиняющуюся императору. Позднее усилиями Монтеччиоли и принца Евгения Савойского она была преобразована в регулярную армию.

Если мы взглянем на Московское царство, то увидим тот же самый процесс создания регулярных военных сил, подчиненных исключительно монарху. В 1550 г. сформированные еще при Василии III отряды пищальщиков были преобразованы в постоянное стрелецкое войско, а *Уложение о службе* (1556) четко определило принципы формирования армии на базе ратников, выставляемых с земель бояр и дворян. Алексеем Михайловичем были созданы полки нового строя, находившиеся в ведении Рейтарского приказа, а также Оружейная палата и Пушечный приказ, завершившие создание регулярной армии.

Во-вторых, постепенно ликвидируются очаги территориального сепаратизма.

В результате гражданских религиозных войн, тянувшихся с 1562 по 1598 гг., сформировалось гугенотское «государство в государстве»: гугеноты имели собственную армию, принадлежащие им фортификационные сооружения, финансовую систему, банкирский центр в Лионе. Однако с воцарением Бурбонов процесс централизации продолжился. Уже в подписанном Генрихом IV (1553–1610) *Нантском эдикте* (1598), провозгласившем католицизм государственной религией, но давшем протестантам свободу исповедания, число их крепостей и количество солдат в войске было значительно уменьшено⁶. После подавления бунта Ла-Рошели в 1629 г. согласно положениям *Альясского мира* гугеноты сохранили свободу вероисповедания, но все их фортификационные сооружения были разрушены, войска расформированы, они потеряли права на свои политические организации, собственные суды, магистраты и т.д. Гугенотское государство перестало существовать.

Уничтожая сепаратизм дворян-гугенотов, французские короли и их министры (кардиналы Ришелье и Мазарини) не обошли своим вниманием и дворян-католиков, а также города. Были приняты меры по подчинению их королевской власти, в частности, уничтожались замки и крепостные стены городов.

Распространяя свою власть с наследственных земель на присоединенные, Габсбурги отменили в 1627 г. принцип выборной монархии в Богемии и сделали корону этого королевства наследственной в династии австрийских Габсбургов. Император контролировал *inkolat* (орган сос-

ловного представительства Богемии), все должностные лица были представителями монарха, которому принадлежали права законотворчества.

Таким образом на территории собственно Австрии и Богемского королевства монарху удалось как подчинить своей власти сословия, так и предельно ограничить местное самоуправление. Однако власть центра не распространялась во всей своей полноте на Венгрию, где из-за активного вооруженного сопротивления дворянства и городов автономию и права сословий удалось несколько ограничить (в 1687 г. Государственное собрание Венгерского королевства подтвердило права мужского потомства Габсбургов на Венгерскую корону и отказалось от параграфа «Золотой буллы», дававшего дворянству право на вооруженное сопротивление королю в случае нарушения им законов), но не уничтожить⁷.

В монархии испанских Габсбургов бывшие самостоятельные государства, превратившиеся в провинции Испании, сохранили значительную автономию, расхождения в судебных процедурах и праве, отдельные кортесы и т. д. Попытка значительно ограничить самоуправление стоила королевству огромных территориальных потерь, как это произошло в Нидерландах⁸, однако тенденция подчинить провинции центральной власти прослеживается очень четко.

В Московском царстве, позднее Российской империи, мы сталкиваемся с совершенно аналогичным процессом уничтожения сепаратизма провинций. Еще при Иване IV уничтожается последнее удельное Старицкое княжество и последний вольный город Великий Новгород (1569). Впоследствии каждая вновь присоединенная территория, в первую очередь Украина, рано или поздно лишается местного самоуправления и подчиняется центральной власти.

В-третьих, создается единое законодательство и бюрократический аппарат.

Уже в период правления Франциска I (1515–1547) все центральное управление Франции сосредоточилось в королевском совете, который делился на отделы, впоследствии превратившиеся в министерства. «Король-солнце» лишь закончил работу своих предшественников. Так называемая «административная революция» дала королю право создавать законы простым провозглашением эдикта. Принятые королем *Ordonnance Civile* (1667) и *Ordonnance Criminelle* (1669) стандартизировали гражданское и криминальное судопроизводство, а *Ordonnance des Eaux et Forets* (1669), *Code Maritime* (1672) *Ordonnance de Commerce* (1673), *Ordonnance de la Marine* (1680) создали систему административных положений, контролировавших различные стороны жизнедеятельности государства. *Intendants*, бывшие представителями короля в провинциях, получили всю полноту судебной и административной власти. Был создан новый вид

полиции, которая сперва находилась под непосредственным контролем интендантов, а впоследствии была создана должность lieutenant general de police. В 1669 г. соответствующая должность появилась в каждом городе королевства. С помощью этих мер и в ходе борьбы королевской власти с гугенотами, когда «миссионерами в сапогах», т.е. королевскими войсками, были уничтожены последние очаги автономии, еще сохранявшиеся в южных провинциях Лангедоке, Монтанбана, Пуату, Беарне, вся страна была охвачена единой судебной-административной системой, осуществлявшей волю монарха⁹.

В Дунайской монархии в 1527 г. Фердинанд I реорганизовывает центральное управление, которое теперь состояло из Тайного совета, Судебной канцелярии и Палаты финансов, Дворцового военного совета. Император не мог уничтожить юрисдикцию магнатов в своих землях, однако решения магнатского суда могли быть обжалованы перед Судебной канцелярией. Был также создан институт юристов, путешествующих по различным странам империи и вершащих суд от лица верховной власти.

Аналогично складывались события в монархии испанских Габсбургов. Подавив восстание сословий в 1520-х годах, королевская власть смогла ограничить их самостоятельность, лишив кортесы права законодательства и сведя их функции к утверждению налогов и субсидий в пользу королевской власти.

В Московском царстве, позднее Российской империи, мы сталкиваемся с совершенно аналогичным процессом управленческой и законодательной унификации. После принятия Иваном IV (1530–1584) царского титула были созданы функциональные органы управления – приказы, которые в царствование Алексея Михайловича (1629–1676) превратились в орган центрального управления. Приказы были разделены по «сферам компетенции» (Посольский, Разбойный, Стрелецкий и др.) или географическому принципу (Сибирский, Казанский, Астраханский). Государева комната стала Тайным советом царя. Система выборных земских органов, осуществлявших местное управление, была заменена воеводами, сменившими выборных должностных лиц (городовых приказчиков, судных и осадных голов, губных старост) и осуществлявшими управление уездами от имени государя. *Уложение 1649 г.* сформировало общие для всего царства законы, причем новый свод был распечатан в количестве 2 000 копий (в отличие от предыдущих, распространявшихся в рукописях) и разослан по стране. В 1667 г. был создан протекционистский *Новоторговый устав*, регламентирующий правила торговли русскими и иностранными купцами.

В-четвертых, ограничиваются права сословий и сословных представительств.

Во Франции уже к XVI в. сословное представительство Генеральные штаты практически перестает функционировать. «Парламентская фронда» и «фронда принцев» (1648–1653 гг.), этот последний бунт сословий, лишь создал возможность для полного подчинения дворянства и буржуа власти короля. Аристократия и дворянство утрачивают свою независимость, их благополучие становится все более зависимым от воли короля.

К XVI в. земли Габсбургов были своего рода представительским государством, контролируемым четырьмя основными сословиями (прелатами, магнатами, дворянством и вольными городами), имеющими права голоса в вопросах налогообложения, бюджета, ведения войн и т. д. Однако в XVI в. монархам удалось трансформировать Сейм империи из органа сословного представительства в институт власти императора. Сейм имел право участвовать в решении важных государственных вопросов, однако это право давалось ему императором и могло быть отнято.

В Испании гранды сохраняют экономическую мощь, но утрачивают свое политическое значение, значительная их часть, как и во Франции, переселилась в столицу и превратилась в придворных.

В Московском царстве Земский собор, созданный при Иване IV орган сословного представительства, был подконтролен монарху. Ко времени правления Алексея Михайловича боярство и дворянство было практически полностью зависимо от царя, а отсутствие вольных городов не способствовало развитию «третьего сословия». Слабость сословий, не могущих оказать серьезного противодействия утверждению абсолютной власти монарха, способствовала угасанию института Земских соборов. Постепенно правительство перешло к практике приглашения на совещание лишь представителей того сословия, в мнении которого было заинтересовано (так, во Франции Франциск I приглашал нотаблей для решения конкретного вопроса).

Таким образом, мы можем со всей обоснованностью утверждать, что процесс административной централизации власти в руках монарха в Московском государстве в XVI–XVII вв. прошел те же этапы и создал тот же комплекс атрибутов абсолютной власти, что и аналогичный процесс в странах Западной Европы. Централизационные процессы, проходившие в России в XVI–XVII вв., никак не могут быть признаны уникальными (уникальными скорее были процессы централизации власти в Англии, где абсолютизм Генриха VIII (1491–1547) и его наследников вполне уживался с наличием в графствах местного самоуправления и усилением парламента, а также отсутствием постоянной армии).

Концентрация духовной власти монархами Западной Европы опиралась на основной принцип *Аугсбургского мира* (1555): «*cuius regio eius religio*» – «чья власть, того и вера», который давал властителю право избирать религию не только для себя, но и для своих подданных. Уничтожение сословных привилегий и местного самоуправления тесно сплеталось с заменой конфессиональной и религиозной поливариантности единой религией, поддерживаемой королевской властью и становящейся частью аппарата управления. Меры по ликвидации принципов религиозной толерантности, завершившиеся принятием Людовиком XIV *Фонтенблуасского эдикта* (1685), отменявшего Нантский и липавшего гугенотов права свободного исповедания, одновременно уничтожали политическое влияние дворян-протестантов, давали возможность разрушить или подчинить королю финансовую мощь протестантов-буржуа (таких как Лаффемас или Теллемент), вытеснить гугенотов из городского управления (как это произошло в Монтанбанае в 1678), тем самым ликвидировав последние остатки гугенотского «государства в государстве». В процессе реконверсии – зачастую насильственной – король не только устанавливал единую государственную религию, но и уничтожал сохранившиеся очаги сепаратизма провинций¹⁰.

В политнических монархиях религиозная унификация служила также средством объединения страны. Австрийские Габсбурги указами 1634, 1638, 1645, 1651 гг. прекратили лютеранские богослужения на территории Австрии, а затем объявили все некаатолические религии Богемии (кроме иудаизма) незаконными (1627), что распространило религию правящего дома на богемские территории, способствовало централизации страны, а главное, ставило вне закона дворян-протестантов, возглавлявших силы местного сепаратизма. В Венгрии же, где потерпела неудачу административная централизация, централизация духовная также не имела успеха (*Шопронский компромисс* 1681 г. гарантировал права венгерских протестантов)¹¹. Испанская ветвь Габсбургов тесно увязала административную централизацию с уничтожением всех некаатолических религий, что дало ей возможность разрушить опасное для абсолютизма финансовое могущество морисков и евреев и пополнить королевскую казну за счет конфискованного имущества (борьба за торжество католицизма стала также идеологической основой европейской экспансии Испании, ее войн с Францией и Англией).

История России никогда не знала такой жесткой и всеохватывающей внутренней религиозной борьбы, как страны Западной Европы. Возникшие в XVI в. еретические течения (ересь жидовствующих) не получили широкого распространения и не стали реальной опасностью для господствующей церкви. Однако и Россия не избежала необходимости рели-

гиозной унификации, поскольку присоединение Украины связало в рамках одного государства не только два народа, но и две православные церкви, в чьей обрядности и богослужебных книгах было много различий. Единое государство не могло иметь разобщенную церковь. Исправление книг и обрядов преследовало как собственно теологические цели, так и было подготовкой к единению церквей, а через него – к укреплению целостности монархии. Однако здесь прослеживается несколько любопытных различий с общеевропейской ситуацией.

Во-первых, религиозная унификация в возникшем во второй половине XVII в. русско-украинском государственном образовании, в отличие от других составных монархий (например, Дунайской монархии), привела не к изменению церкви присоединенной части по образцу церкви первоначальной части страны (метрополии), а наоборот, русская церковь, церковь царя и патриарха, изменила свои книги и свою обрядность по украино-греческим образцам. Во-вторых, обрядовая унификация, конечно, способствовала объединению церквей, но одновременно она стала источником не уничтожения, а появления в Московском царстве более или менее влиятельного религиозного меньшинства – старообрядцев. Конечно, роль и значение старообрядцев в русской истории нельзя сравнивать с ролью протестантов как религиозного меньшинства в истории Франции или монархии Габсбургов. Однако факты таковы, что только после проведенной религиозной унификации стало возможно говорить о наличии религиозного меньшинства в Московском царстве. Тем не менее сам факт корректировки книг и обрядов выполнил свою политическую задачу, он способствовал как созданию единой церкви, так и уничтожению источника конфликтов между двумя частями составного государства и тем самым укреплял власть царя.

Одновременно монархи проводили меры по контролю над церковной властью.

Так, Генрих VIII официально провозгласил себя главой церкви *Актом о супрематии* (1534) и созданием англиканской церкви. Церковь Франции, получившая название галликанской церкви, формально оставаясь под контролем папы, все более превращалась в национальную французскую церковь, вплоть до присвоения королем права сбора церковных податей (1673) и назначения епископов (1675). Французские священники провозгласили Людовика XIV «патроном и хранителем церкви во Франции», а т.н. *Четыре Статьи* (1682) утвердили превосходство королевской власти над папской внутри Французского королевства. Король становился фактическим главой национальной церкви. Австрийские Габсбурги негласно контролировали деятельность католической церкви, постепенно превращая ее в орган управления (так, католическая цензура стала одновременно и государственной и т.д.)

Аналогично в России Уложения 1649 г., передали в ведение Монастырского приказа, т.е. царского аппарата, часть церковных владений, что дало царю возможность вводить поставлением священников на места. Церковный же собор 1666–1667 гг. признал царя верховным авторитетом как в гражданских, так и в церковных делах.

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует несомненное сходство процессов в формировании абсолютной монархии в XVI–XVII вв. в России и западноевропейских монархиях, причем не только в основных их чертах, но и в деталях. Отмеченные расхождения не превышают той «меры уникальности», которая свойственна любому общеевропейскому процессу при его реализации в границах той или иной страны. Мы можем с уверенностью утверждать, что российские социополитические процессы XVI–XVII вв. были неотъемлемой составной частью общеевропейского развития и какие-либо существенные расхождения намечаются как раз к началу эпохи петровских реформ.

Таким образом, хотя бы в области создания абсолютистской монархии «общий аршин» оказался вполне приложим к России. Дальнейшие компаративистские исследования способны свести на нет всю традицию противопоставления истории России и Запада.

Примечания

¹ *Смотрицький Г.* Всякого чину православный читателю... // Украинська поезія. Кінець XVI – початок XVII ст.– К., 1978.– С.64.

² *Скарга нищих до Бога* // Там же.– С.83.

³ *Летописец* начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей.– М., 1965.– Т.29.– С.19–116.

⁴ *Софронова Л.А.* Старинный украинский театр.– М., 1996.– С.41.

⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография.– М., 1941.– Гл.17.

⁶ *Zagorin Perez* Rebels & rulers 1500–1600.– Cambridge, 1982.– Vol.2.– P.51–86.

⁷ *Kann Robert A.* A History of the Habsburg Empire (1526–1918).– California, 1977.– P.118, 125–127, 132–133.

⁸ *Elliott J.H.* Europe divided 1559–1598.– Fontana Press, 1968.– P.112–125.

⁹ *Treasure Geoffrey* Seventeenth century France. A study of absolutism.– New York, 1967.– P.97, 312–315.

¹⁰ *Greven John H.* The Religious History of the Reign // The Reign of Louis XIV / Paul Sonnino (eds.).– New Jersey-London, 1990.– P.164.

¹¹ *Berenger Jean.* A History of the Habsburg Empire 1273–1700.– London-New York, 1994.– P.291–292.

Надійшла до редколегії 24.09.02